

Жаркой Михаил Эмильевич

канд. ист. наук, доцент, старший преподаватель
Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
г. Санкт-Петербург

ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ А.Я. ВЫШИНСКОГО: МИФЫ, ДЕМОНИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: в работе рассматриваются взгляды А.Я. Вышинского на проблему доказательств в уголовном процессе. Отмечена предвзятость и извращение его концепции в период обструкции советского типа правопонимания. Отмечена близость взглядов советских юристов на рассматриваемую проблему, а также направления поиска советской юридической наукой более широкого понимания права. Значительное место уделено рассмотрению проблемы квалификации таких составов преступлений, как нарушение правил техники безопасности, вредительских актов, диверсий и т.п.

Ключевые слова: правопонимание, теория права, уголовный процесс, система доказательств, теория судебных доказательств, Вышинский А.Я.

Взгляды столпов советской юридической науки и особенно ученых-правоведов конца 1920-х – второй половины 1930-х гг. вообще и, в частности А.Я. Вышинского, в постсоветский период изучения политико-правовой мысли подвергаются не только обструкции и не конструктивной критике, а зачастую извращению их сущности, изменению смысла, насаждается надуманный подтекст, что приводит к закономерно ожидаемому результату – фальсификации теоретических концепций и доктрин. Однако в науке общей теории права сегодня не ставится под сомнение дефиниция права, нашедшая свое закрепление в решениях I Сессии по вопросам науки советского государства и права, прошедшего в Москве в июле 1938 г. Определение права, предельно ясно сформулированное в докладе А.Я. Вышинского и единогласно одобренное Сессией, вошло в оте-

чественную юридическую литературу как «нормативный» подход к праву, сегодня трактуется как так называемый «узкий» подход к правопониманию. Резюмируя свои взгляды в дальнейшем А.Я. Вышинский предложил рассматривать право как «совокупность законов», которые в свою очередь определялись как «форма, в которой выражается воля господствующего класса» [2, с. 84]. Такой взгляд не мог не опосредовать в конечном результате и соответствующий подход к понятию законности вообще. Его генерирование объективно привело к восприятию режима законности как строгого и неуклонного исполнения законов и подзаконных нормативных актов всеми адресатами, выступающими субъектами советского права.

Интегрируя концептуальные основы своих взглядов и исходя из классового понимания права А.Я. Вышинский обращал внимание на то, что ненависть к делу социализма со стороны капиталистических классов и их остатков внутри страны, их враждебность к делу строительства социализма в СССР требуют усиления пролетарской диктатуры... Сила и мощь последней, как учил И.В. Сталин, – «вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации» [3, с. 14].

В связи со сказанным нельзя не обратить внимания на то, что на определенных этапах эволюции советской карательной политики А.Я. Вышинский отрицал необходимость рассмотрения всех уголовно – наказуемых деяний только и исключительно в судебном порядке. В зависимости от факторов, оказывающих влияние на динамику и интенсивность классовой борьбы, полагал он, «мы допускали рассмотрение дел, например, в органах ОГПУ...» [4, с. 26]. Разница между рассмотрением дел в судебном и во внесудебном порядке определялась им исходя из тех практических и конкретных задач, которые стояли перед правосудием в лице карательных органов. Так пролетарский суд рассматривался как орган подавления классовых врагов и принудительно-воспитательного воздействия на слои трудящихся. Квасисудебные полномочия ОГПУ, как органа, вы-

полняющего функцию принуждения со стороны диктатуры пролетариата, выступали по преимуществу в форме беспощадной расправы с любыми контрреволюционными элементами. Таким образом, заключал А.Я. Вышинский, ОГПУ в реальных было фактически органом военного подавления врагов пролетарской диктатуры. Применение той или иной формы реализации правосудия при рассмотрении дела зависело, по мнению автора, от специфики того или иного уголовного дела, носящего контрреволюционный характер. Так, дела о вредительстве рабочего снабжения или о вредительстве в сельском хозяйстве рассматривалось в Коллегии ОГПУ, а дела Промпартии, Союзного бюро меньшевиков или о вредительстве на электростанциях – в Верховном суде СССР. Другое дело, что при всем вышесказанном А.Я. Вышинский строго стоял на позициях формальной, обусловленной правовыми рамками, законности при отправлении правосудия. Так он указывал далее, что и ОГПУ, и суд, действовали исключительно в рамках революционной законности (не смотря на то, что деятельность ОГПУ в направлении судебных полномочий не регламентировалась УПК РСФСР), а «суд в такой же степени являлся органом беспощадного подавления эксплуататорских элементов, классовых врагов, как и ОГПУ, только порядок применения этого подавления существенно отличается от порядка подавления через органы ОГПУ». Из логики мысли и умозаключений А.Я. Вышинского можно сделать вывод о том, что суд представлял и представляет собой общий или обычный порядок, а ОГПУ представляло исключительный, выходящий за рамки обычного, порядок расправы с классовым врагом в экстраординарных условиях обстановки второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. В связи с наделением созданного 10 июля 1934 г. НКВД Союза ССР права рассматривать определенные категории дел в Особом совещании, то в отличие от И.Я. Фойницкого, А.Я. Вышинский этот факт не замалчивает, а наоборот констатирует ограниченность возможности его административной репрессии и подчеркивает, что этому в известной степени способствует не только усиление роли прокурорского надзора за деятельностью органов НКВД, но и предоставление прокурору страны права опротестовывать решения Особого совещания с приостановлением последних, что по его мнению,

в еще большей степени ограничивает сферу применения репрессии в административном порядке, перенеся центр тяжести полностью в область осуществления правосудия непосредственно субъектами советской судебной системы [4, с. 28–30].

Мы не случайно выше упомянули точку зрения патриарха отечественного уголовного процесса И.Я. Фойницкого. Дело в том, что последний выпустил еще в 1884 г. свое первое издание «Курса уголовного судопроизводства», по всей видимости будучи лояльно настроенным к правящему режиму и осторожно давая характеристику царскому правосудию периода контрреформ Александра III ни словом не обмолвился об особом совещании МВД, тем самым полностью проигнорировав уже действующее в это время Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [15], на основании которого при Министре внутренних дел было учреждено Особое совещание [17]. Правда, вскользь заметил, что «основания несудебного разбирательства в прежние времена лежали во взглядах на юстицию как на частное достояние отдельных лиц (патримониальная или помещичья расправа), сословий и ведомств (приказная система)». И далее: «...в значение оснований несудебного разбирательства выступают... маловажность дела, особенность задач, преследуемых данным разбирательством и наличность дисциплинарной власти. Но эти основания имеют свои естественные пределы» [22, с. 13]. Полагаем, что манкирование Особого совещания при МВД Российской империи в труде И.Я. Фойницкого не случайно. Несколько выше автор справедливо подчеркивает, что в силу публичного характера отношений между государством и индивидуумом «уголовное судопроизводство стоит в тесной зависимости от государственного строя данной страны (выделено нами – М.Ж.), и в свою очередь оказывает на него серьезное влияние» [22, с. 2].

17 июня 1935 г. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) «О порядке согласования арестов» был установлен порядок, согласно которому производство арестов руководителей предприятий и специалистов требовало получение специального разрешения соответствующего наркома, в ведомственном подчинении которого

находилось предприятие или учреждение. С точки зрения сегодняшнего дня это, конечно, грубо нарушало конституционный принцип равенства граждан перед законом. Однако, указанный принцип в названное время носил относительный характер, в конституционных актах отсутствовала прямая норма, говорящая бы о равенстве перед судом. Поэтому, в силу сказанного имеющийся пробел в государственном праве и наличие исторической хронодискретной паузы в преемственности [12, с. 190], позволяет говорить о полном соответствии действующему законодательству Постановления от 17 июня 1935 г., которое можно охарактеризовать как попытку своеобразной форм государственного контроля за заключением под стражу подозреваемых и обвиняемых. Заметим опять же, что документ был принят, после того как 3 марта 1935 г. Прокурором СССР был назначен именно А.Я. Вышинский. В нормативной части устанавливалось, что «во изменении инструкции от 8 мая 1933 г. аресты по всем без исключения делам органы НКВД могут производить лишь с согласия соответствующего прокурора» [13, с. 217]. До упорядочения процесса производства арестов субъектами права его применения выступали должностные лица карательных органов, председатели колхозов, члены правлений колхозов, председатели сельсоветов, секретари ячеек, районные и краевые уполномоченные. Таким образом, принятие комментируемого постановления мы рассматриваем как меру, направленную на укрепление законности в процессе принятия решений о применении меры пресечения.

В связи с изложенным, вызывает как минимум недоумение мнение профессора Т.П. Коржихиной относительно А.Я. Вышинского, согласно которому он «не только поддерживал чудовищные директивы Ягоды и Ежова, но и требовал от местных прокуроров содействовать массовым арестам и репрессиям, сам выступал инициатором подобных акций» [11]. Что касается эволюции взглядов А.Я. Вышинского в дальнейшем, то после отстранения от руководства НКВД СССР Н.И. Ежова, он внес предложение в ЦК ВКП(б) и СНК СССР об изъятии из ведения Особого совещания дел о контрреволюционных преступлениях и передачи их в суды [9, с. 32]. Более того, еще за полгода до прекращения полномочий «железного наркома», приказом НКЮ СССР от 29 мая

1938 г. №18/с, подписанным наркомом Н.М. Рычковым и прокурором СССР А.Я. Вышинским, однозначно предписывалось: «Все дела о государственных преступлениях, расследуемых как органами НКВД, так и другими органами следствия, рассматривать в спецколлегиях Верховных краевых, областных судов, а также в специальных составах железнодорожных и водно-транспортных судов» [25]. Можно с уверенностью предположить: это была либо попытка каким-то образом приостановить гиперактивность НКВД (учитывая, что Н.М. Рычков был назначен наркомом юстиции только 19 января 1938 г.) и восстановить законность судебного процесса; или, свойственное опять же И.Я. Фойницкому бойкотирование объективно существующей и действующей системы внесудебной юстиции. Очевидно, что данный документ требует скрупулезного исследования с целью вскрытия всех гносеологических предпосылок его появления.

Политика социальной санитарии общества, реализуемая в стране после февральско-мартовского и июньского (1937 г.) Пленумов ЦК ВКП(б), предполагала бескомпромиссную борьбу со всякими посягательствами на Советский строй или правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью (ст. 6 УК РСФСР 1926 г. [20]). В силу сказанного вошло в практику любые хозяйственные преступления рассматривать как контрреволюционные или иные особо опасные для Союза ССР преступления против порядка управления. О.Ф. Шишов, изучавшей на диссертационном уровне развитие уголовного права в 1930-е гг., полагает, что именно таких взглядов придерживался и А.Я. Вышинский, который считал, что в условиях обострения форм классовой борьбы общеуголовные преступления трансформируются в политические. В связи с этим, указывает автор, в ноябре 1936 г. А.Я. Вышинский распорядился в месячный срок истребовать и изучить все дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции с целью выявления признаков, позволивших бы квалифицировать их как контрреволюционные [24, с. 255]. По всей видимости, их изучение привело А.Я. Вышинского к необходимости более внимательного изучения качественного состава этих преступлений и возможностей использования положений

ст. 49 УК РСФСР, предусматривающей институт реальной и идеальной совокупности преступлений.

В дальнейшем в виду сложности квалификации таких категорий дел как диверсия, вредительство, нарушение технологических процессов, правил техники безопасности этот вопрос был специально рассмотрен на Пленуме Верховного суда СССР 27 – 28 декабря 1937 г. «Трудность заключается именно в том, – сказал в выступлении А.Я. Вышинский, – что объективно материальный состав этих преступлений таков, что он одинаков будет и тогда, когда здесь имеет место диверсия, и тогда, когда здесь просто нарушение правил техники безопасности». Поэтому, продолжил Вышинский, трудность для предварительного следствия состоит в том, что по материальным признакам невозможно бывает часто установить наличие преступного умысла, но его можно обнаружить на основании возможно других дел и иных обстоятельств, которые на первый взгляд не имеют с расследуемым делом ничего общего [25]. Это весьма показательно, учитывая, что ранее – в 1934–1935 гг., анализируя аварийность на флоте А.Я. Вышинский, как государственный обвинитель, в своем выступлении ничего не говорил об умышленном вредительстве, а в качестве причин случившегося называл исключительно недисциплинированность личного состава флота, а также низкий уровень профессиональной подготовки кадров всех уровней [6, с. 184–233].

Соблюдая принцип исторического объективизма заметим, что указывая на обязательность полного, всестороннего и тщательного расследования указанной категории дел, А.Я. Вышинский на Пленуме подчеркнул, что «...мы должны очень осторожно относиться к квалификации этих происшествий, как нарушении техники безопасности», но все сказанное им, тем не менее, не означает, что подобные происшествия необходимо и целесообразно сразу же квалифицировать как вредительские акты, или даже как диверсии, однако «...у следователя тогда должна быть эта презумпция, у него должно быть допущение возможности такого явления...», – заявил он [25]. Бросается в глаза, что в риторике Вышин-

ского, несомненно талантливому оратору и импровизатору, отражается свойственная времени осторожность, взвешенность и продуманность в формулировках, предельная грамотность юридической лексики.

В 1937 г. под редакцией А.Я. Вышинского вышло пособие для следователей «Расследование дел о вредительских и диверсионных актах, совершаемых при помощи и под видом нарушения правил техники безопасности, а также дел об иных преступлениях, связанных с нарушением техники безопасности», носящее методический характер. Среди прочего в нем подчеркивалось: «Основанием к возбуждению уголовных дел этого рода служит сам факт нарушения правил техники безопасности... Поэтому совершенно неверным является отказ к возбуждению уголовных дел этой категории или прекращение их... с мотивировкой «за отсутствием вредных последствий». Дела о нарушении правил техники безопасности не могут прекращаться по этим мотивам, так как отсутствие вредных последствий не исключает опасности этого преступления» [16, с. 78].

Ранее в своих публикациях мы неоднократно поясняли, что объясняя происками врагов народа техническую неграмотность и технологические ошибки, система, тем не менее, способствовала их изжитию и мимикрированию. В ходе расследования каждый случай аварии, катастрофы, крушения, брака и т. п. тщательно изучался, вскрывались механизм и причина случившегося, что совокупно с обозначением виновных в дальнейшем способствовало изжитию брака, совершенствованию технической грамотности персонала, повышало чувство ответственности за порученное дело, стимулировало к совершенствованию инженерно-технических знаний, укрепляло производственную и государственную дисциплину. Причем подобная парадигма свойственна отечественному правовому менталитету: только за последние триста с лишним лет мы неоднократно являлись свидетелями таких интерпретаций с «вражьей» подоплекой: подменили царя (Петра I), А.И. Герцен из-за границы провоцирует массы интеллигенции, немецкие шпионы (В.И. Ленин и др.), происки мирового империализма, чеченские террористы, украинские диверсанты и т. п. — в зависимости от того, кто обозначен политической доминантой в качестве врага.

И, наконец, еще об одном, том, что с завидной постоянностью извлекается из анналов и является булавой в руках фальсификаторов от истории уголовного процесса. А.Я. Вышинский писал, что: по делам о государственных преступлениях «объяснения обвиняемых неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств» [7, с. 264]. А «...условия судебной деятельности ставят судью перед необходимостью решать вопрос с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных фактов, подлежащих оценке» [5, с. 20]. Эти цитаты требует строгого логического и формально-юридического анализа, ибо по сей день является хрестоматийными для характеристики правовых взглядов А.Я. Вышинского и для оценки процесса реализации карательной политики советского государства в период 1930–1940-х. – начала 1950-х гг. Однако при пристальном рассмотрении налицо явная подтасовка фактов. Дело в том, что обличители позиции А.Я. Вышинского ссылаются исключительно на его работу, переизданную в 1950 г., хотя приписываемые ему взгляды должны логически быть отнесены ко второй половине 1930-х гг. По всей видимости нет оснований отрицать, что установки А.Я. Вышинского находили какое-то отражение в практике правоприменения. Но в то же время, принцип исторического объективизма, которого мы придерживаемся и которым руководствуемся при исследовании проблемы, требует более тщательного подхода с учетом хронологии исследуемого времени.

Сказанное ни в коем случае не изменяет сущности взглядов Вышинского на теорию доказательств, но в то же время отражает допущение им обязательности учета всей системности имеющихся по делу улик. А.Я. Вышинский пишет, что теория формальных доказательств рассматривает свойства и качества доказательств как какие-то застывшие, не изменяющиеся свойства и качества никогда не изменяющихся вещей или явлений. Так по Своду законов 1857 г. в России совершенным доказательством виновности считалось собственное признание подсудимого [18, с. 41]. Приводя в пример «Русскую Правду», законодательство Петра I, российское дореформенное процессуальное законодательство и ав-

стрийский УПК 1853 г., А.Я. Вышинский заключает, что «собственное признание во всех кодексах этой эпохи фигурирует в качестве наиболее ценного, лучшего доказательства, в качестве «царицы доказательств» (*regina probationum*)), при известных условиях решающих судьбу всего дела» [8, с. 48–49]. При этом «...наиболее надежным способом «показывания» считалось применение физических страданий, пытки. Под ударами которой легче всего было получить от обвиняемого собственное признание, почитавшееся «лучшим всего света доказательством», «царицей доказательств» [8, с. 58]. Не трудно заметить, что в приведенном фрагменте речь идет о процессуальной деятельности периода средневековья и содержит в себе критическую позицию автора по отношению к ней. Стоит обратить внимание на созвучность этих историко-правовых положений Вышинского со словами И.Я. Фойницкого: «С отменой пытки, – писал он, – преобладающее значение собственного признания сохраняется, к получению его по-прежнему направляются усилия инквизиционного процесса, хотя при помощи иных мер, только оно считается доказательством вполне совершенным, и задача законодателя сводится к указанию других доказательств, более или менее к нему приближающихся, и определению степени такой близости. Решение этого вопроса легальная теория доказательств возлагает на законодателя» [23, с. 209].

Наконец, на искажение цитаты обращают внимание и современные авторы. Так военный историк А.Б. Мартиросян справедливо приводит истинные слова А.Я. Вышинского [14, с. 161]: «В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значений признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являющейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, но во всяком случае считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств» (*regina probationum*)» [8, с. 177].

Развивая свои взгляды на роль признания подозреваемого в системе доказательств, А.Я. Вышинский отмечал, что одной из гарантий правильного отношения к показаниям подозреваемого «является безусловно объективное отношение к делу следственных и судебных органов». Главное, по его мнению, препятствие на этом пути, «...некритическое, предвзятое отношение к обвиняемому и неумение в должной степени использовать все обстоятельства, сопровождающие исследуемое событие, какими бы отдаленными от предмета следственного исследования они не казались» [8, с. 178].

Такая позиция весьма характерна для процессуалистов рассматриваемого времени. М.С. Строгович подмечал, что согласно теории формальных доказательств ценность каждого вида доказательств была определена в законе, который устанавливал заранее определенную степень достоверности каждого вида доказательств. «Наиболее совершенным доказательством, – пишет он, – считалось сознание обвиняемого, признание им своей виновности, называвшиеся «царицей доказательств» [19, с. 125]. И далее: «Сейчас вера в абсолютную правильность сознания обвиняемого в значительной степени разрушена... Поэтому сознание обвиняемого, как и всякое иное доказательство, подлежит проверке и оценке по всей совокупности обстоятельств дела» [19, с. 207]. «Принципам советского уголовного процесса, – заключает М.С. Строгович, – решительно противоречила бы всякая попытка ставить признание обвиняемым своей вины во главу угла при расследовании и разрешении уголовного дела... Такое заимствование из теории формальных доказательств для советского уголовного процесса совершенно неприемлемо» [19, с. 208].

Здесь же автор подчеркивал, что в советском уголовном процессе презумпция невиновности является одним из руководящих процессуальных принципов и означает, что виновным признается лишь тот, в отношении кого обвинение признано доказанным судом. Правда, здесь же он оговаривается, что «шпионы, диверсанты, фашистские громилы и другие преступники, когда они отвечают перед судом за свои преступления, не могут на основании презумпции невиновности рассчитывать на какую-либо снисходительность к себе», так как последняя

не означает «либерализма», но в тоже время обеспечивает применение репрессии к действительно виновным [19, с. 159]. Иными словами, по его мнению, значение презумпции невиновности, состоит в том, что она допускает признание лиц виновными в совершении преступлений лишь тогда, когда виновность доказана. Поэтому, всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого, что означает, что последнему могут быть вменены в вину лишь те факты, которые доказаны. Кстати, здесь же опять отметим, что по этому поводу А.Я. Вышинский правильно указывает, что «при наличии у суда сомнения в том или ином факте суд не должен исходить из этого факта, как из несомненного» [8, с. 169]. С другой стороны действующий УПК РСФСР 1923 г. содержал норму, закрепленную в ст. 282, согласно которой в том случае, если подсудимый признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, то суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон. Однако, это положение нельзя понимать в смысле придания сознанию обвиняемого силы формального доказательства. При этом главным выступает то, что суд не обязан устранять рассмотрение других доказательств в случае сознания обвиняемого, а может только это сделать.

Проведенный нами анализ позиции советской юриспруденции на роль показаний обвиняемого в уголовном процессе вынуждает говорить об умышленном искажении взглядов на столь важный аспект. Апогея фальсификация достигла в годы перестроечной истерии второй половины 1980-х гг., когда журналисты прямо соревновались друг с другом в стремление как можно больше вылить грязи на советский строй, вскормивший и выпестовавший их. Примером беспринципного аморализма явилась статья журналиста А.И. Ваксберга, который, называя А.Я. Вышинского «чудовищем и громилой» преднамеренно передергивает выше приведенную цитату из труда «Теория судебных доказательств в советском праве», сознательно дискредитируя советскую юстицию и приписывая ее автору стремление перенести систему формальных доказательств в советский уголовный процесс [1, с. 13]. Удивительно, что на данный факт обращают

внимание историки и совершенно игнорируют специалисты, которым это достаточно известно. Хотя даже авторы постсоветского учебника «Уголовный процесс» признают, что именно в период феодализма (в том числе в русской судебной практике) «доказательствами признавались: сознание в совершении преступления, в том числе и данное под пыткой», которые считались «основным и бесспорным доказательством» [21, с. 56, 59].

В заключение заметим, что уже с середины 1950-х гг. некоторые юристы старшего поколения воспользовались появившейся возможностью отмежеваться от определения права 1938 г., начали критику позиций А.Я. Вышинского и предложили свое понимание и определение социалистического права. В противовес «узконормативному» определению права Вышинского было предложено понимание права как единства правовой нормы и правоотношения (С.Ф. Кечекьян, А.А. Пионтковский) или как единства правовой нормы, правоотношения и правосознания (А.К. Стальгевич, Я.Ф. Миколенко). При этом правоотношение (и связанное с ним субъективное право – в трактовках Кечекьяна и Пионтковского) и соответственно правоотношение и правосознание (согласно Стальгевичу и Миколенко) предстают как реализация и результат действия «правовой нормы», производные от нее формы и проявления права. Исходный и определяющий характер «правовой нормы», т.е. нормативность права в смысле определения 1938 г. продолжали признаваться, но эту нормативность предлагалось дополнить моментами ее осуществления в жизни. Правоотношения, пояснял Кечекьян, являются результатом осуществления норм права, закрепляющих определенный порядок отношений. И складывающийся в обществе правопорядок нельзя понимать просто как совокупность действующих в данном обществе. «По нашему мнению, – писал С.Ф. Кечекьян, – в определении права как совокупности норм подразумевается, что речь идет о нормах, реализуемых в правоотношениях, что единство нормы права и правоотношений исключает необходимость отдельно говорить о каждом из этих явлений в определении права». Возможно, что сам С.Ф. Кечекьян, выступая на Совещании 1938 г. за данное определение, и подразумевал единство нормы права и правоотношений, но ни на Совещании, ни

позже (до 1955 г.) этого положения не формулировал. Гораздо важнее то, что само определение А.Я. Вышинского, принятое в 1938 г. и ставшее общеобязательным, такого единства как раз и не подразумевало, да и не могло подразумевать. Во всяком случае, сторонники такого подхода иначе трактуют связь нормы права и правоотношения. Неслучайно они сразу же усмотрели (по существу правильно) в положениях Кечекьяна (а затем и Пионтковского) о единстве нормы права и правоотношений «включение в понятие права правовых отношений, сведение так или иначе права к правоотношению», в результате чего «в понятие права включаются, помимо норм права, также и правоотношения». К сожалению, и выдающийся правовед и философ В.С. Нерсисянц в первом издании учебника по истории политических и правовых учений не удержался от сарказма, заявив, что Вышинский – «одна из гнуснейших фигур во всей советской истории» [10, с. 653]. Такова, по нашему убеждению, конечная диалектическая противоположность синтезирования взглядов советской юриспруденции, приведшая сегодня к вульгарному и демонистическому представлению взглядов А.Я. Вышинского, как одного из выдающихся правоведов отечественной правовой науки.

Список литературы

1. Ваксберг А. «Царица доказательств» // Литературная газета. – 27.01.1988.
2. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права / А.Я. Вышинский. – М., 1949.
3. Вышинский А.Я. Вопросы права и государства у К. Маркса / А.Я. Вышинский. – М., 1938.
4. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский, В.С. Ундревич. – Т. I. Судостроительство. – М., 1936.
5. Вышинский А.Я. Проблемы оценки доказательств в советском процессе / А.Я. Вышинский // Проблемы уголовной политики. Кн. IV. – М., 1937.
6. Вышинский А.Я. Судебные речи / А.Я. Вышинский. – М., 1955.
7. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М., 1950.

8. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М., 1941.
9. Звягинцев А.Г. Руденко. Генеральный прокурор СССР / А.Г. Звягинцев. – М., 2012.
10. История политических и правовых учений: учебник / под. ред. В.С. Нерсесянца. – М., 1996.
11. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. / Т.П. Коржихина – М., 1994.
12. Костадинов Ф.Н. Конституционный принцип равенства перед судом: исторический аспект / Ф.Н. Костадинов // Молодой ученый. – 2021. – №15. – С. 189–191.
13. Курицын В.М. История государства и права России. 1929 – 1940 гг. / В.М. Курицын. – М., 1998.
14. Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920-х – 1930-х гг. / А.Б. Мартиросян. – М., 2008.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. I. – СПб., 1885. №350.
16. Расследование дел о вредительских и диверсионных актах, совершаемых при помощи и под видом нарушения правил техники безопасности, а также дел об иных преступлениях, связанных с нарушением техники безопасности: пособие для следователей. Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937.
17. Свод законов Российской империи. 1857. Т. XIV. Ст. 1. Примечание 1.
18. Свод законов Российской империи. 1857. Т. XV. Кн. II.
19. Строгович М.С. Уголовный процесс. — М., 1946.
20. СУ. 1926. №80. Ст. 600.
21. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. – М., 1998.

22. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. Т. 1. – СПб., 1896.

23. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. Т. II. – СПб., 1899.

24. Шишов О. Лидер «правового фронта» / О. Шишов // Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский. – М., 1992.

25. ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 111.